

К-144 0708

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ с Бобришного угора

II часть
«МОЙ ЛЕСНОЙ РАБОЧИЙ КАБИНЕТ»

— К 100-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА —

Александр Яшин — национальное достояние России

**ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ
С БОВРИШНОГО УГОРА**

ЧАСТЬ II

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА

Александр Яшин. Дневники 1958–1968 гг.

Стихотворения.

Воспоминания современников

Часть II «Мой лесной рабочий кабинет»

Никольск — Вологда
2012

Составитель — ***М. В. Береснева***

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА: Александр Яшин. Дневники 1958–1968 гг. Стихотворения. Воспоминания современников. Часть 2. «Мой лесной рабочий кабинет». — Никольск — Вологда, 2012. — 48 с.

В дневниках 1958–1968 гг. в полный рост встаёт неприукрашенный Александр Яшин. Образ поэта дополняют стихотворения данного периода, а также воспоминания о нём современников.

АЛЕКСАНДР ЯШИН

На Бобришном Угоре,
Где рябина растет,
Память ягодой горькой
Угощаться идет.
Были радость и горе,
Были стол и верстак.
На Бобришном Угоре
Было именно так:
Небо с краю — теплело,
Землю трогал рассвет,
И за вечное дело
Принимался поэт.
Шёл привычной дорогой
То в дожде, то во мгле
С постоянной тревогой
О родимой земле.
Против косности, муты
Шёл один на один —
Сын крестьянства, по сути,
И Отечества сын.
Нёс радение люду,
А выигрывал бой —
Не показывал удаль,
Оставался собой.

В нем деревня любила
Мужика своего,
Угощалась рябиной
И стихами его.
А он выйдет, посмотрит
Вдаль, где вьется межа,
Где дорога в ремонте
И в ремонте душа.
Старцу чинят усадьбу,
Селят в дом молодых...
«Вологодская свадьба»,
Как ты била под дых!
Всё ж, не всем, как известно,
Яшин был по нутру...
За гражданственность,
Честность —
Порицанье перу!
Но, пройдя сквозь обиды,
С добротою со всей
Яшин спелой рябиной
Угощает друзей.
Даже этих, что били! —
Золотой человек —
Угощает рябиной
И прощает навек...

БОБРИШНЫЙ УГОР

Из дневников 1958–1968 гг.

1961 год

29 апреля. Выехал в Череповец, затем в Белозерск. Командировка от «Нового мира» на завершение работы над повестью «Сирота».

30 апреля. 15:30 — Череповец. Такси не добьешься. Сдал вещи в камеру — и на трамвай.

Фотоснимки у Анны Михайловны. Яков, Яшка Овдененок... Снимок сделан в Ярославле 25 августа 1915 г. По рассказам Анны Михайловны: отец ушел из дома на войну 1 августа 1915 г. (14 августа) в спасов день. Убит 3 октября (16) 1915 года. А 9 октября — день его именин. Родился в 1884 г. Мой прадед Михаил Ефимович Попов 12 лет был волостным старшиной. Яков Михайлович (отец) женился в 1911 году 27 лет. Дуне (матери моей) шел 17-й год. Меня мать рожала утром очень тяжело, поэтому Анну бабушка заставила расплести косу, потому что она девушка, а знала, что роды идут. В этик случаях еще отворяли царские врата в алтаре. Анна Михайловна Попова (крестная) была красивая (конечно!), но «черноглазая», а это принималось многими за недостаток.

1 мая. Получил пропуск и выстоял всю демонстрацию на трибуне. Колонны металлургического завода (ЧМЗ) и стройтреста внушительны. Воинский парад — курсанты-связисты и гарнизон. После парада выстроились цепочкой вдоль трибуны и второй линейкой параллельно. Школьники смущаются, на трибуну не смотрят. Много портретов Гагарина. Группа детей в костюмах, имитированных под летные комбинезоны. Плакат: «Будущие космонавты». Макеты ракет.

После демонстрации, когда оцепление сняли, народ хлынул на площадь. На плоскости пляска, танцы, все под гармошки. Поют частушки. В доме тоже гармошки, топот. Все — как в деревне. В Череповце много пьют. Редкий праздник обходится без драк. Все деревенское — и люди, и песни, и пляски, только дома городские. В домах квартиры заселены той же деревней.

2 мая. В новом Череповце быт и нравы и говор деревенские. А старый — деревянный, внешне похожий больше на деревню, — интеллигентнее, солиднее нового.

3 мая. Анна Михайловна рассказывает, как снимала переполох с детей испуганных. Перепуганные дети не спят. Снимают с лошади хомут и налевают его на ребенка трижды: «Страхи-переполохи идите в хомут»

(3 раза). И все. Одна ребенка сует в хомут, другой его принимает. Снимали переполох и так: жгут шерсть с медведя, если медведь испугал, и обкуривают испугавшегося.

Выехали в Белозерск только в 9 часов вечера. Шофер Коля — не пьющий, не курящий — тот, который вез нас со Сладкого острова.

4 мая. На охоту выехал в 5 ч. вечера в д. Туриково.

5 мая. Лягушки квакают, будто собаки зайца гонят. Зима еще, а все нет-нет да и зайду в поле взглянуть на свой шалашик, из которого я был тетеревов на току, словно здесь прошло мое детство. Скорей бы пришла весна.

8 мая. С Алешей и Юрой Соловьевыми — в поле скрадывать тетеревов. Вернулись часа в 4–5 утра и тут же с Александром Ивановичем на рябчиков с манком. Вернулись в 14:30. Значит, на ногах 13 часов беспрерывно. Я еле добрел обратно.

Надо пожить весну в Блуднове, тогда все испытаю заново.

Кот ловит лапкой с берега рыбку в светлой озерной воде, но каждый раз в лапе ничего не оказывается, и он очень удивляется. Потом он лезет к скворечнику на высокую березу.

10 мая. В 1:30 ночи я сидел в шалаше на току близ деревни Токареве (бывшей) — там теперь баня, да двор, колодцы завалены, в развалинах живут зверьки — ласки.

Ток за гребнем от шалаша. 2 петуха дрались, один токовал с тетеркой. Подполз к последнему, а стрелять не стал. Убил на развалинах Токарева ласку — белая вся, меньше белки, кончик хвоста черненький. Зачем убил?

Чтобы писать, необходимо доверие к себе. Надо верить, что все волнующее тебя не может не взволновать и других, не может быть для них неинтересным, что любая мелочь, кажущаяся мелочью только на первый взгляд, может оказаться для других вовсе не мелочью. Надо верить себе, довериться.

По пути в Панкратове зашли в контору. Там счетовод Рюмин, с кем я хочу еще съездить за рыбой. Масса служащих в конторе, «на три ста-рухи колхозницы тридцать начальников».

Лед на Белом озере все еще стоит.

11 мая. В Белозерске на сквере против райкома щиты «Наглядной агитации». Каждый вышедший на прогулку, на отдых читай хоть сто раз на дню: 1. «В 1961 году заготовить грубых кормов по 20 центнеров на переводную голову» 2. «В 1961 году получить надой молока от коровы 1800 кг.» и т. д.

Однажды убив глухаря, он рассказывал об этом всю жизнь так, как будто это произошло только вчера или на днях: — Я как-то ехал из Чеповца в Белозерск, смотрю, а он сидит на дороге, камушки подбирает.

Я поднял ветровое стекло да как дал ему из малокалиберной... — Когда же это было? — Да еще до войны!

13 мая. Стихи про дергача:

Он полсвета прошел пешком,
Чтоб сюда подоспеть к весне.
К речке с лужком, с бережком
В пашей негромкой стороне.

Потому что здесь его дом,
Здесь он вылупился из яйца.
То же самое и со мной —
Каждой весной
Хоть пешком да поспеть сюда.

15 мая. Хотел выехать пароходом, но он не вернулся из Вытегры. В Белозерске прочитал: Тендряков «Суд», Солоухин «Капля росы».

Весенний падеж скота тоже планировался в процентах. Но всегда было перевыполнение плана по падежу.

Надо обо всем писать как о прошлом, сейчас же «крутым подъем сельского хозяйства и все ошибки устраниены». В этом плане подавать и «Свиней». Надо, мол, знать, как было, чтоб до конца исправить положение дел. «Убыток» — это один из председателей.

«Реформы» на памяти: 1. Борьба с архитектурными излишествами — слом уже готовых колонн и балюстрад. 2. Кукуруза. Пустующая земля из-за твердых жестких планов. 3. Травопольный севооборот, семиполье — многолетнее утверждение, и сразу полный отказ от посева трав. 4. Кролиководство. 5. Ликвидация поголовья скота в городах. 6. Зональные группы райкомов партии. В Белозерске было 8 секретарей РК. 7. Сокращение штатов — одни разговоры. 8. Кампания против обилия персональных машин — объединили часть их в общих гаражах, и все. 9. Переделка столовых в столовые самообслуживания. Старые скатерти все списали. 10. «Перестройка» Министерства сельского хозяйства.

Интересно, что в последнее время заметные успехи прозы оказались в следовании достоверности, в документальности. Это почти дневники без специально придуманных литературных сюжетов. Смуул: «Ледовая книга». Солоухин: «Владимирские проселки», «Капля росы». Эти вещи покоряют своей авторской непосредственностью, желанием доверительно разговаривать с читателем обо всем как с ближайшим другом и убежденностью, что все это свое, личное, откровенное не может быть неинтересным и для других.

Тендряков идет другим путем — традиционным путем беллетриста. А что лучше? — праздный вопрос. Все лучше, что будет хорошо написано.

16 мая. В 16 часов теплоходом «Фурманов» выехал в Череповец. Идем по каналу. Узкий очень. Вал между Белым метров 20–30. Шлюз деревянный. Сразу после первого шлюза — Шексна. Очень низкие берега. 20 ч. 50 м. на подходе к Горицкому монастырю (округ «горы» — холмы, косогоры). Солнечный факел опустился к горизонту! Закат над Шексной, над водой в 21 час. Зигзаги реки спрятаны каналом.

18 мая. Приехал в Москву в 6 утра. Я счастлив, что дома.

18 декабря. В Скочкове 23/XII свадьба, у Анны Григорьевны дочь Нина выходит замуж. Я собирался на родину всю осень, еще в августе взял творческую командировку от Союза, и приглашение на свадьбу все решило. Не ехал из-за того, что не мог доработать «Сироту».

20 декабря. В 17 ч. еду в Шарью. Разговоры (в поезде): о трудоднях, о пенсии, о неблагодарных детях...

21 декабря. В Никольске на аэродроме встретил секретарь РК Мухин. Он считает, что дела в Никольском районе идут неплохо по сравнению с другими районами. Но тревог много. В прошлом году в августе не было больших инеев, и кукуруза кое-где удалась. Не повезло области. В районе больше 200 тракторов, масса комбайнов, но все устаревшее, новой техники нет. Денег наша техника поедает столько, что кошмар. Горючего не могут навозить. Ремонт ныне все за счет колхозов, все по диким ценам, а колхозы подорваны и без этого — разными реформами.

К вечеру выехали на «газике» в Блудново. Через Козловку дороги почти нет. Поехали через Пермас. В полях пробивались по снегу.

22 декабря. В 2 ч. дня из Блуднова на лыжах вышел в Скочково. Сказочный лес. Дороги до речки Изницы почти нет. Почти нет заячьих следов, лисьих много. В 4 часа Скочково. Анна и мать (моя) испугались, увидев в окно чужого человека, решили, что пришло «начальство» пиво выливать (варить пиво, гнать самогон воспрещено). Шьют приданое для Нины уже две недели.

Записал темы 4–5 стихотворений.

23 декабря. Свадьба началась часов в 6 вечера. Хорошо бы обо всем написать. Контрасти: остатки старых обрядов и новые люди, грузовик — самосвал вместо троек...

25 декабря. Ночевал у Пали. До 11 ч. дня записывал темы стихов и строфы. Мороз — конечно, за 30°. По улице идет мужик с гармошкой. Гармонь на морозе не поет совсем, даже не хрипит, а мужик играет и все-таки поет, но слышна одна ругань.

Около 2-х часов свадьба выехала в Теребаево.

27 декабря. С шофером РК добрался до Скочкова пэ целине (была метель). Написал четыре страницы: «Свадьба» (это начало).

28 декабря. Сходил на лыжах в Блудново, чтобы собрать вещи, и договорился, что их привезут на санках. Следа в полях уже не было — меть. На речке Изнице из снега вылетали рыбчики. Обратно шел ночью в абсолютной темноте и мерз. И жутко и хорошо. В лесу тепло, но идешь почти ощущаешь. В поле шел, пригнувшись к самой земле, чтобы хоть немножко различать свой сегодняшний след. Часто сбивался с пути.

Ночью в Скочкове. Все спят. Как жутко играет кошка с мышью! Одна лапа кошки толще, чем вся мышь. Сначала мышка замирала и мгновенно убегала, но кошка схватывала ее то под столом, то под кроватью, и вновь отпускала ее, и чуть подбрасывала лапой и поуркивала. Наконец мышка уже едва шевелилась, а кошка все еще не наигралась, все еще шевелила лапой и подбрасывала и кидалась на нее, уже полу-живую. Жуть! Между прочим, кошка урчала как-то безрадостно, требовательно даже, и моя мать с печки подала голос: «Кошка-то, видно, на улицу просится?..» Мышке только покажется, что она свободна, что она уже перехитрила своего врага, а кошка опять ее прижмет к земле.

Узлы на березах вяжут, когда провожают парня в армию. Примется узел, не повянет — и парень выживет.

Пашню пашут — руками не машут.

В медвежьи петли (тросы) попали лошадь, корова и две телушки. Не задохнулись потому, что привыкли к привязному содержанию.

1962 год

7 января. Рождество. «На рождество день прибывает на воробышковский скок» — сказала мать. В 9 ч. утра еще темно, в 3 ч. уже темно.

Выога, снег сверху и снизу. Чувствую себя плохо. Правил стихи. Днем сходил на картежную игру мужиков — чем им заниматься — ни книг, ни газет, ни радио. Только выполнение планов, да водка, да карты. Поиграл и я с ними.

9 января. Опять мороз. Доработал и перепечатал стихотворение «Рябчики в снегу». Писать прозу все-таки почему-то лень. Сейчас в работе «Две берлоги». Вечером ходил к гумну — там будто бы рябчики летают. Ничего не оказалось.

Пришлось идти на чай к Нине Михайловне. К ней приехала сноха, жена Анатолия Михайловича, — преподает в Куданге литературу и языки.

Глаша, Клавдия Ильинична Поникарова знает все причеты для свадьбы — вечеринки. Раньше вечеринки бывали красоты: там свои причеты. Запомнила с голосу причигальниц на свадьбах, когда была еще девочкой, потом девушкой.

— Глаша, садись-ко возле меня, у тебя голос вольный! — говорила причитальница Митиха Васькина. Ее на свадьбу звали специально.— В наш слой ходила Митиха Васькина. (В нашем поколении.)

Песни волокнистые поют потише, поволокнистей, чтобы невесташибче ревела. Причеты знает еще Смолякова Сашка в Пермасе (ой, какое горло у нее!).

Сноха Нины Мишихи произвела на меня удручающее впечатление: некультурная, грубая, вероятно, очень крикливая, наглая. И это преподаватель русского языка и литературы. Запела гнусаво, по-бабы, заревела — и я сбежал. О, господи!

10 января. Я бродил в леске, в поле слева от дороги к Шёлкову. Заяц меня обманул, выскочил уже за моей спиной, я его не видал. Вспугнул большую стаю тетеревов из снега в том месте, где прошлый раз оставил раненого зайца. Убил одного петуха. Не надо спешить — они вылетают вокруг долго, не сразу.

В Скочкове готовится новая свадьба. Вечером собрались у Анны Григорьевны с прядницами пятеро: Анна, Клавдия Ильинична, сноха Тоня, Паля, мать. Клавдия пела свадебные причеты на красотах и вечерице. Записал в большой черной тетради на 10 страницах. Хорошо бы записать ее на магнитофон.

Сидел до 2-х часов ночи. Плохо спится. Дочитал «Яму» Куприна. Аксакова — о природе.

12 января. Пленум РК КПСС с 11 часов. Повестка: решения XXII съезда.

О бабушке Першакова. За водой.— Что ты, солнышко, я сама сбегаю, ты еще в колодец упадешь.

— Где шапка? Ты, бабушка, не знаешь?

— Знаю, солнышко, как же, батюшко. Ты на кровать бросил, я на полку положила. Штаны ты бросил, а они мокрые, я их, батюшко, повесила перед печкой... Сыночки мои, родненькие, голубчики мои.

15 января. Дием в РК и РИКе. Уехал с Анной Григорьевной на райкомовской лошади, потому что никакая машина не прошла бы.

Першаков говорит: сельское хозяйство не поднять, если и впредь будут спускать сверху по нескольку противоречивых директив в год.

16 января. В Скочкове. Лошадь ушла сегодня в Никольск. Ветер. Метель. Но не холодно. Больше дорог нет никуда. Очень плохо себя чувствую. Спится весь день.

Надо сделать сборник лирики «Первые письма».

18 января. Сегодня крещенский сочельник. Что это значит? Раньше целый день не ели (до освящения воды). Не ел и я до 15 ч. ничего ради отдыха. Бродил по лесу, по полям на своих лыжах с ружьем. Написал

3 страницы «Свадьбы». Бывает еще рождественский сочельник. Не едят от зари до зари.

19 января. А сегодня крещенье. Анна посадила пожог, готовит пиво. Пожог посадить — значит раскалить на огне камни и вскипятить ими раствор для пива. Через три часа слили сусло (на этот раз не сусло, потому что для ускорения дела в кипяток сразу был опущен хмель). Остудят его и, перелив в лагун, опускают призголовок (дрожжи, замешенные на муке). Начинается брожение.

Пиво в лагуне взбунтовалось.

Спрашиваю Анну Григорьевну: — Вот были у тебя свои дети (9), теперь внучки. Любишь их так же, как своих детей, или нет? Чувство то же?

— Чего это? Какое чувство?

Моя мать разъясняет ей: «Ну, кого больше любишь?» Анна отвечает:

— А ведь что. Те выросли, и эти вырастут... Они ведь ко мне приходят ненадолго. Надоедят, и выгоню, паре, живо домой отправлю.

20 января. Задолго до рассвета бабы идут к бригадиру просить лошадок, чтобы съездить за сеном.

Вечером пришла Санька вместе с гостями на свадьбу к Леньке... Санька рассказала, что вчера, в пятницу, в Блуднове подключили радиотрансляцию. Репродукторы давно лежали в магазине по 5 р. штука, их расхватали немедленно. Многие оказались неисправными. И линия, должно быть, была исправна не везде. Люди заволновались, забегали по деревне: у кого как слышно, радуются и горячатся.

— Чего это частушек не поют?..

22 января. На лыжах — до Блуднова. Идет снег. Лес неестественен, но красив. Красив неправдоподобно. В конце Скочкова поля спугнул тетеревов, ни один не упал.

Видно, сегодня ничего не напишу. Василий Ильич отвез Саньку на лошади через Шёлково. Рассказывали, что трудно было на молодой лошаденке перебраться через реку. Я понял, что это значит, когда мы с ним вечером, в темноте уже, вдвоем поехали и не смогли перебраться через реку Юг. У кобыленки, видно, мало силы, поэтому она мечется в стороны, ложится в снег. В гору не пошла даже выпряженная, хотя я тянул наверх за вожжи.

Радио в Блуднове говорит. В 5 ч. вечера начали, в 8 кончили. Начинает говорить с 6 ч. утра.

— Будут сейчас терзать колхозников, — сказала Александра.

До 1 часа ночи писал стишок, а с первой строфой так и не справился.

23 января. В поле перед Скочковом в березняке взлетели тетерева. Я зашел, полетели еще. Одну тетерку я убил, другая вылезла из-под лыж, оставив массу перьев.

Написал стихотворение «Счастье» (Бродить по сырой земле босиком) 20 строк. А «Свадьбу» (прозу) писать опять поленился.

25 января. Написал три страницы «Свадьбы» — долг. У писателей, как у колхозников: выходных дней не бывает. Ну, не должно быть!

26 января. Баня. Вечером сообщили, что телефон исправлен, и я разговаривал с семьей, с Москвой. Злата сообщила, что студенты МАИ во главе с Павликом Березиным сегодня утром уже прибыли в Шарью. Ребята пришли в Скочково на лыжах с рюкзаками — шесть человек. Устроил у Анны, т. е. у себя, себе на голову.

28 января. Вечером ребята дуются в «пульку». Кое-кто захотел почитать, я дал Куприна том 5-й и С. Григорьева — двухтомник. Это не гуманитарный вуз. Они сами признают, что общественные проблемы их волнуют мало. Павлик не пьет, не курит.

3 февраля. Весь день перепечатывал стихи (новые) для книжки «Человеку». Набрал 13 стихотворений, написанных в Скочкове. Опять задолжал 4 страницы прозы.

Родные забытые слова. Подь сквоззе — это, конечно, искаженное «провались сквозь землю» (поди сквозь землю). Спасибо — спаси тебя бог! Маховитый человек — широкая натура. Волокнистые песни. Одного слоя люди — одного поколения. Понёбы (положить на понёбы рубашку), поднёбица. Шировега. Туес. Дежень. Деревцо — колода для лаптей. Журавлиха — клюква, жаравиха, Санапал («Вишь, санапал какой!» Сарданапал). Починок, Хлопуша — враль, хвастун. Лубня — коробка, сундучок лубяной. Лопоть — белье. Возилка — неполный мешок, Подизбица. Сугревушка. Грудки. Рукотерник. Поляш — тетерев. Галаха. Залетка. Залавок. Суденка. Промёжок, Поденье — осадок в топленом масле. Любовина — мясо без жира. Расхожий с людьми. Мало стояла, много настояла — о продавце. Хвостить — врать. Тодильная. Заспа. Потки. Посконь. Собачиться — шалить. Просужий, Гоить, гойно — чисто. Хлебница, веко (крышка). Елыч — грибной, мясной, селедочный. Летятина — дичь.

Памятные заметки. Завести картотеку с алфавитным занесением всех прозаических вещей. Прочитать «Манон Леско» — Прево, Льва Толстого — «Коготок увяз — всей птичке пропасть» (см. «Яма» Куприна), Аксакова. Олдингтон — «Смерть героя» — роман. «По дороженькам знакомым отчей стороны» — взять для книжки «Человеку». «Выскочку» — все повернуть в прошлое, сейчас уже не то.

В Пермасской школе иконами выстлана сцена. (Сейчас они будто бы на складе?)

4 февраля. Воскресенье. Ребята — студенты МАИ, 6 человек с Павликом завтра должны уехать. Пришел из Блуднова Васютка. Ходил с

ним в лес, хотел добыть дичи или зайчика для Москвы, не смог. Тетеревов спугнул, а не убил: один раз выстрелил и упал с лыж в сумет. Вечером с Павликом ходил на свадьбу к Ваньке Васину. Один мужик твердил весь вечер одни и те же слова: «Я один только помню вашего отца. Никого больше не осталось».

11 февраля. Пришла Александра. Утром прогулка почти до Шёлкова. Метель, сильный ветер. У меня долг уже 9 страниц прозы. Сегодня берусь за ум.

13 февраля. Который день метет метель. К мельнице пе подойти, нет дороги, за реку дорога также заметена — к Пермасу. А вправо по эту сторону реки идет ездовая дорога в Куданский лесопункт — на стройку.

14 февраля. Все еще метет. Снег в полях утрамбован и весь в разводах, как белый мрамор, только на снегу разводы рельефные, бугристые. Следы лисиц стали выпуклыми, снег между уплотнений выдуло. Следы лисицы — маленькая древняя колоннада, открытая в песках,

16 февраля. С утра оттепель. До 12 часов работал. У Анны — именины. В деревне выдают деньги за год по 39 копеек на трудодень. Анна получила 85 рублей, из них 9.50 отдала: за страхование 7.50 и 2 р.— самообложение.

Пишу второй отрывок о Дресвянине (Зелянине) — как он женщины предал (Надю Ронжину), — закончил 16-ю страницу, покрыл долг за февраль.

17 февраля. Сегодня на лыжах пойду в Пермас — 12 км, где завтра будет общее отчетно-выборное собрание колхозников «Родины». Вышел из Скоккова в 13.30, До мельницы дорога хорошая — сено возят из Анбала. За рекой Кудангой — жилой дом, хозяйственные постройки: живут две семьи лесников. От реки Куданги до деревни Двориши дикий лес. Уживаются березы с соснами. Двориши на высоком красивом месте, среди полей широких и лесов. В самой деревне нет ездовой дороги, только пешеходная тропа и тропки к домам. Вся улица в глубоких суметах. В школе 19 учеников — 3 класса. У всех школьные лыжи.

От Дворищ до Пермаса прямая просека. Опять леса, красиво, но ни одного следа, ни одной птицы — лес кажется мертвым, не для охотников.

В 5 часов вечера был уже в канторе колхоза «Родина» напротив школы. Познакомился с председателем Берсеневым Владимиром Николаевичем. Берсенев полный, крепкий, с 1925 года рождения. Резкий. Ночуем у Берсенева: я, инструктор РК Авдотья Сергеевна Баева (бывшая зав. райздравотделом, фельдшер) и А. М. Попов (Блудново, зам. председателя).

До 12 ночи просидели четверо, проговорили. Разговоры все те же. Попов отстаивает Сталина. Сейчас запутали всех разноречивыми ука-

заниями, распоряжениями, Директивность — насилие. Район идет к разорению. Кукуруза его доконает. Самим планировать не дают.

18 февраля. Жена Берсенева, Ольга Александровна, говорит о муже, что он слишком груб с колхозниками, резок, настойчив. Колхоз трудный. Пермасяне никогда по-настоящему не работали.

Отчетно-выборное собрание колхоза назначено на 10 часов утра. Начнут, вероятно, часов в 12. Народ съезжается на конях, на грузовиках. Доклад Берсенева. <...> Доклад ревизионной комиссии. Интересные данные. Очень! <...>

Под окном прошел трактор. В школе большие светлые окна — бывшее волостное правление. На стене копия Шишкина: медведи в лесу. При напряжении внимания у людей лица глупеют. Есть красивые женщины, но даже у молодых лица озаряются редко. Сидит учитель. Лицо у него деревенское, неумное — костюм и галстук не спасают. Но он, оказывается, преподает физкультуру. Люди активны, шумят, но, когда всем становится ясно, голосуют дружно. Помню — лет 25–30 тому назад — не добьешься, чтобы руки подняли, даже когда все всем ясно. Голосовать боялись. Поумнели люди.

Председатель ревизионной комиссии иногда нервничает: «Тогда на кой черт и ревизия, и концы разыскивать, если вы все будете списывать». 15 часов. Перерыва еще не было. Я уже устал. Прения. 16 часов. Включили свет — школьный учебный двигатель освещает и контору, и несколько домов.

Председателем единогласно избрали Берсенева В. Н. Председателю дали путевку и оплату дороги (единогласно), подтвердили старое решение о начислении 1,5 %) председателю при перевыполнении плана,

В Блуднове Горчаков Александр Васильевич продаёт ламповые стекла — обязательно одно битое в принудительном порядке.

В кудангском колхозе им. Калинина выдано на трудодень по 10 копеек, и все довольны: они никогда еще не получали столько (по 1р.).

Я хотел уехать в Скоково, но в последний момент забился в «газик» (7-м человеком) — и в Никольск, чтобы присутствовать на бюро райкома.

19 февраля. Каждый год реорганизации. Только инспекция по сельскому хозяйству прижилась, и пошло дело, сейчас создают межрайонные управления по сельскому хозяйству и заготовкам. В Вологодской области — 6 управлений. В каждом аппарат человек по 50. Будут ездить инспектора по районам и пить водку.

В Междуреченском районе в каком-то колхозе доярки лазят во двор в окно из-за грязи. А в Устюжене когда-то было так: во дворе стояли сначала кони, потом коровы, а навоз все растет, растет, — поставили телят, потом овец, кончили курами, уже и овцы не помещались.

В Никольском районе 18 колхозов. Колхозники сами уже против разъединения колхоза: «Сколько же можно шутки шутить, мордовать нас». Укрупнения начались с 50-го года. В последние 3 года укрупняли 2 раза. Сейчас «Восход» состоит из бывших 36 колхозов.

Вернулся к 17:30 на райисполкомовской лошади в Скочково.

Береза уживается с сосной.
Все в наших рощах дико и прекрасно.
Считают: мрачно в стороне лесной.
У пас в краю и солнечно и ясно.

Теперь жалею — мало я писал
О нем, неповторимом, многолесном,
Не то чтоб красоты не замечал,
Боялся, что не будет интересно,
Что все давно известно повсеместно.

20 февраля. Сходил к Анне в амбар. В сусеках, где раньше был хлеб (4 для зерна — ржи, овса, ячменя, пшеницы — и 3 мучных), теперь — сено, капканы ржавые, хлам. Зерно есть в мешочках. В сундучках накопленные отрезы своего тканья и фабричные.

Правлю стихи весь день. Дописал «И стали мы пить чаек».

На завтра: в Осинове отдать книжки для школы. В Никольске — о помещении в больницу Поникарова Алексея Кузьмича.

21 февраля. В 5:45 утра выехал на лошади в Оси-ново.

В 12 часов Шарья. Поезд Владивосток — Москва в 16.27. Взял мягкий. Немного поспал и хочу дописать долг — 3 страницы.

22 февраля. Москва. Утром в поезде дорабатывал стихотворение «Еще вчера была жара...».

25 марта. Ялта. Сейчас без 20 минут 1 час ночи, а над Ялтой в темноте все летят и кричат журавли — уже который день и все ночью. Где-то, как-то они опускаются на землю?

28 апреля. Вологда. Прибыли с Сашей и Павликом.

29 апреля. Взял билеты до В. Устюга па теплоход — места только сидячие. Самолеты не ходят.

30 апреля. После Тотьмы Сухона забита молем. Теплоход ударяется в бревна, но идет уверенно. Капитан предложил мне свою каюту (через Павлика). Сижу в ней. Очень красивые берега после Тотьмы. Лесистые. Река только поднялась, но без разлива.

Мало иметь талант, надо еще верить, что все, что тебя волнует и интересует, обязательно будет интересно и для кого-то другого. В этом случае появляется устойчивое желание все записывать, обо всем писать и писать, а без этого и талант бессилен. Надо верить, что до тебя об этом

никто еще ничего не рассказывал, а если и рассказывал, то не так, как ты можешь рассказать.

На нашем теплоходе нет даже буфета. Кто запасся едой — ест, а остальные голодают. С питанием везде трудно. В Вологде к празднику «выбросили» папиросы (их тоже не было), треску (продают во дворах, чтобы скрыть давку и очереди), ливерную колбасу. Мяса, масла нет.

1 мая. Утром прибыли в В. Устюг. С 11 ч. утра были на трибуне. Демонстрация. Руководители поочередно «кричат лозунги» и «ура!».

2 мая. В 9 ч. утра выехали из В. Устюга. Всего от В. Устюга до Кич-Городка 107 км. В 8 часов — добрались. Много раз сидели в грязи.

3 мая. Выехали из Кич-Городка. В Никольске смотрели затор на реке перед мостом — ГЭС. В Блудново.

Вечером тяга на речке близ Толчей — я с Сашей, Павлик бегает один как бешеный. Токовал 1 тестерев. Убить могли, не убили, ждем других. А оказывается, тока распуганы, разбиты и всюду токуют по одному.

7 мая. Отправил самолетом Сашу и Павлика.

11 мая. Все эти дни дождь и холодно. Тяги нет. Вчера принос удоочек 6 штук, обстрогал их и повесил для выправления и просушки. Сегодня был на реке. От Баданих и выше — до Липова и выше — залом. Прошел до Глубокого. Удить еще рано: вода велика и мутна. Рябчики нигде не отзываются на пищик — наверно, пишу плохо. Искал сморчков — нет. В Летовище летает, как всегда, много чибисов (цикалиц). Не пишется. Холодно, тяжело на душе, спится плохо.

Читаю Толстого «Войну и мир». Боже мой, как это прекрасно и как все просто. Совершенно ясно представляю себе, что и я бы так мог, нужен только труд, труд... А я не умею трудиться.

12 мая. С утра шел снег крупный и таял. С Александром Васильевичем Горчаковым (продавец) сходил на Бобришный Угор. Загорелся идеей поставить там домик для работы. Избушка от пилорамы мала. Весь день брежу стройкой. Мать и Санька хоочут:

— У тебя, кажется, не все дома. Разве ты будешь жить там один?

— А я с балериной.

— Это с баланиной?

Ходил до реки Куданги с липовскими мужиками, которые ездили на лошади воровать лодку леспромхоза и увезли ее. Воровать — увозить лодки с реки стало здесь уже обычным делом. Блудновцы будто бы уже две лодки увезли.

Из одностолки убил я бекасика, но взять его с воды не мог: караулил на заторе внизу, а он почему-то не появился.

Читаю «Войну и мир» и ничего не пишу. Курю.

14 мая. С Саней и Павлом Ивановичем идем в Никольск.

Баланина — от 12 до 14 см. в вершине. Свыше — бревно. (Балания — балерина.)

Поговорил с начальством о своей избе па Бобришном Угоре. Обещали поддержать.

15 мая. На машине через аэродром, где взял Берсеневых, — в Блудново. Сказал Берсеневу о Бобришном Угоре.

Вечером с Павлом Евгеньевичем и его Сашей ушли на болото на глухаринный ток. По дороге били вальдшнепов. Саша показал место, где он убил лебедя.

17 мая. Трактором растаскивали залом на Своей реке.

18, 19, 20, 21 — рыбалка по целому дню. Плывет по реке моль — лес. Ничего не делаю, только переживаю. Писем никому не пишу. От З. К. пришло два письма. Не сообщила ничего о том, что меня может интересовать: здоровье Паустовского, мои дела в журнале «Москва» (повесть), в «Огоньке» (очерк о медведях).

22 мая. Дочитал первые два тома «Войны и мира», (концовка — разрыв Наташи с Андреем Болконским). Яснее, кажется, стали для меня свои собственные переживания, своя неустроенность в жизни. Прежде всего это реакция — затянувшаяся, мучительная на свою старую слепоту и увлеченность, уход от жизни, но не полный, не равнодушный, а ожесточенность и злая ясность ума во взгляде на текущие политические события.

Николин день, праздника нет, но девки приоделись. Цветут черемухи. Запах всюду одуряющий. А пришел к колхозной свиноферме и едва выдержал: вонь страшная.

25 мая. Еду в Пермас к председателю Берсеневу на охоту и чтоб договориться о строительстве избы.

«Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от дерева познания добра и зла...» — это говорит князь Андрей Пьеру Безухову перед Бородинским сражением. Вот почему и я тяжело живу, теперь.

Берсенев с избой хитрит — наговорил, что будет стоить тысяч 12–13. Вероятно, думал, что я хочу задаром (?). Я вынужден был даже сказать о двух окнах спереди вместо трех и пообещал 3 тысячи и 500 рублей на водку (старыми).

26 мая. Вернулся в Блудново. Днем на Своей реке разбирают пыжи 13 сплавщиков. Река уже обмелела. 2-й день грозы и жара. Попробовал красные шишки на елке — съедобны вполне. Кажется, тетерева уже перестают токовать, хотя в Пермасе еще было слышно их.

27 мая. В полдень приехал Берсенев на мотоцикле. У Александра Михайловича обговорили все касательно строительства избы на Боб-

ришном Угоре. Были бригадир Иван Иванович Попов и механизатор Вениамин Михайлович. Сходили на Бобрицкий Угор, в Чистый бор. Встретил начальника леспромхоза. Ждал его вечером к себе, чтобы договориться о лесе — он не вернулся.

Собрали бригаду в 4 человека. Берсенев составил такой расчет: лесу нужно около 80–100 бревен. 64 — на сруб, остальное — тес на пол, потолок, крыльцо. Деньги на колхозный счет — 400 рублей. Дополнительные расходы: шифер, косяки и рамы, фурнитура, белила, гвоздей. Надо достать смолы. Размеры избы — бревна 6-метровые. А инфас — 3 окна. По бокам по одному окну. Кажется, и в 5000 рублей не уложиться.

29 мая. Сегодня никто не вышел на работу. Лес нужно брать в лесхозе на участке Выгорки. Приехали сыновья у Александра Михайловича и Павла Ивановича — шофер и тракторист. Гуляют. В деревне гармошка, песни, это заражает всех. Я весь день ловил рыбу. Большой окунь.

30 мая. Сегодня мужики (4) пошли в лес — рубить для избы.

31 мая. В районе Никольска выпал крупный град. Поля не повреждены.

3 июня. Готов был отказаться от стройки совсем, так разнервничался. Берсенев незаметно для меня все свалил на мою голову, чего я не хотел принимать с самого начала. Попов А. М. заявил рабочим, что они должны иметь дело с самим Яшиным, что колхоз только предоставляет транспорт, и рабочие сегодня заявили, что они не признают старого соглашения и требуют пересмотра его (дешево, дескать, на день приходится). Тогда я совсем отказался ходить на стройку. Десятник, который должен был сегодня отвезти лес на Выгорках (Югский лесопункт), не явился. Я не буду заниматься и лесом.

«И страстную любовь итальянца Пьер теперь заслужил только тем, что он вызывал в нем лучшие стороны его души и любовался ими». «Война и мир» — т. 4, часть 4.

4 июня. Приезжал Берсенев с управляющим банком Виталием Александровичем. Я выложил всю историю «забастовки» рабочих, посчитавших, что им платят за стройку мало, и отказавшихся признать соглашение. Случилось то, чего я боялся: колхоз устранился от стройки, А. М. Попов адресовал рабочих ко мне, заявив, что колхоз только предоставляет транспорт. Все хлопоты основные (лес, косяки, рамы, гвозди, шифер, фурнитура и проч.) свалились на меня, от чего я отказывался с самого начала.

Берсенев сказал, что дом обойдется тысяч в 12, И в своей речуге перед рабочими Берсенев говорил о финансовых затруднениях Александра Яковлевича, о том, что я опять могу быть полезен колхозу. А я сидел и ушами хлопал. Да опять поставил бутылку.

5 июня. Рубка и вывозка леса на тракторе (3 рейса) с Выгорок — 41 бревно из 20 хлыстов. Вместо Паши Хорошо (Нехорошо) пошел Васютка в бригаду.

Дочитал «Войну и мир».

6 июня. Ездил в Никольск за смолой, гвоздями, толем. По всем колхозам десятки гектар льна — пересев из-за того, что сеяли в грязь. В колхозе «Родина» — 50 га пересевать (в Блуднове — 12 га). Требуется снова семян около 8 тонн, это 3600 рублей. И никто не отвечает. А. М. Попов кричал:

— Сеять!

— Ведь вода, не вырастет.

— Пусть не вырастет — сеять!

7 июня. Второй день — заморозок. А кукуруза уже взошла. Листочки ее, кончики, чуть прихватило, но «сердечко цело». На 5 гектаров высеяно гороху, который был отпущен на 10 га: просто бригадир недосмотрел и механизатор все высевал, сколько было. Очень густые всходы — что будет: весь горох ляжет еще до цветения, и не будет никаких стручков.

Влазины — новоселье.

8 июня. Составили соглашение с Берсеневым, и я ушел в Скочково.

9 июня. Скочково. Утром с Лелькой (Алексеем) был на охоте. Он хвалил свою собаку, а собака не гоняет, даже когда мы сами зайца нашли. Говорит: «Трава пахнет». Молчалив. «Вот осенью...»

— Ты подавай голос собаке, а то она все тебя ищет.... — сказал я. Он не послушался.

— Намедни я иду... — вдруг начинает неторопливо рассказывать он и спрашивает сам себя: — Когда? — Я жду, что он скажет. Он соображает, рот его раскрыт от напряжения. — В субботу!... — наконец соображает он. — Я опять жду, что дальше. Время идет, мы входим в лес. Наконец Лелька говорит:

— Два лося. А у меня и ружья нет...

— А если бы было?

— Стрелил бы.

— Дробью?

— Ну так что.

— Ты отчего такой неразговорчивый?

— Разговорчивые-то по городам разъехались.

10 июня. Вернулся из Скочкова. Саша Сорокин с Плаксина привел собаку — «Тигру».

11 июня. Матицу поднимали 9 человек. Мама напекла пирогов, рыбник с треской, сварила яичницу; три бутылки водки. Поставили стропила.

Вечером с Сашей Сорокиным стояли на тяге в новом поле за р. Ногулей. Масса вальдшнепов. Тигра нашла зайца, но быстро потеряла.

12 июня. Сашу проводил в 6 часов в Плаксино. Ходил один с Тигрой в Угол и на Выгорки (до Бобрихи). На Выгорках подняла зайца, но опять быстро потеряла. Мужики ушли в Пермас заготовлять пиловочник.

Опять закурил. Не работаю, не работаю, не работаю и выехать не могу из-за стройки.

13 июня. Сегодня 15-й день работы на стройке («на току»). Сегодня не работал бригадир — Миша Кутузов, он пил у А. М. Попова. Тесали доски для пола, привезенные из Липова.

Из Пермаса «Литгазету» от 7 июня. В ней мой отрывок из «Сироты» — «У директора в кабинете» (с портретом). Очень рад.

Как это случилось — я сейчас и сам уже понять не могу. Вдруг представилось, что построить избу в лесу дело нетрудное. Изба ведь из лесу, деревянная, а лес — вот он, кругом строевой, сосна к сосне, и каждая сосна что кирпичная труба с зеленым дымком под облаками. Это, к сожалению, не мое сравнение. Это сказал поэт Александр Романов.

Только бы колхоз согласился помочь. А как он может не согласиться: колхоз-то ведь «мой». Здесь я родился и вырос, и кроме пользы от меня никому ничего не было. Я не только стихи всю жизнь об этом колхозе пишу, но делал для него кое-что и более серьезное: после войны в Москве через Министерство сельского хозяйства доставал строительные гвозди, которые тогда ценились на вес золота, однажды помог приобрести грузовую машину, а это уже несколько десятков лошадиных сил, а не какие-то там не всем понятные рифмы.

Представилось так же, что изба эта на высоком берегу реки мне совершенно необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так, как никогда и нигде мне еще не писалось. Это будет рабочий домик поэта. Да что поэта — я решил, что именно здесь-то и смогу стать настоящим прозаиком. Давно уже задуман и выношен мною большой роман, — где же его и писать, как не на Бобришном Угоре, знакомом и родном мне с детства. Даже названия окрестных деревень здесь милы мне: Липово, Блудново, Сторожевая, Скоково, Осиново. А пожни какие кругом: Лебяжье, Смиряжиха, Бобриха, Вязовики... Герои мои будут сами приходить ко мне на дом, в гости, это мои земляки, сверстники, бывшие однокашники — Горчаковы, Коноплевы, Ципышевы, Мишеневы, Поповы, Поникаровы, Залесовы...

Только бы председатель колхоза «пшел мне навстречу»! А почему бы и не пойти ему навстречу мне, хотя он и не местный, не Вершинин какой-нибудь, а Берсенев, но ведь тоже — земляк, тоже — вологодский мужик? Не может он не понять, что крутой Бобришный Угор, на котором

я в былые годы вместе с одногодками прорал не одни штанишки, чтобы убедиться, что земля поката («сядь на собственные ягодицы и катись»), что угор этот влечет меня к себе и поныне, что он — моя судьба, что, может быть, именно на нем суждено мне сложить и бренные свои кости.

Тянег в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни...

- Поддержим! Правильное это дело, — сказали мне в райкоме партии и в райисполкоме. — И Берсенев поддержит.

14 июня. Постлали пол. Я наловил рыбы, варили уху. Привезли из Осинова 125 листов шифера.

18 июня. Духов день. Я очень болен.

Второй день мужики не работают. Идет дождь. И крыши нет. Пир у Павла Ивановича (Паши Хорошо).

19 июня. Болен. Астма. Поясница. Низкое давление. Сходил в последний раз с дурой Тигрой в Угол и на Выгорки — не гоняет. В 9 часов утра с Саней вышли в Никольск. Хочу в Москву.

У В. П. Горчакова на квартире.

Лет пять назад народу в сельском хозяйстве было 13 тысяч хозяйств. Осталось 8 тысяч. А город растет за счет аппарата. Фонд заработной платы растет за счет служащих. За 1961 год по району сократилось 1065 хозяйств — колхозных дворов. Все еще бегут. Населения в районе 45 тысяч. В городе около 5 тысяч и масса служащих в селе. Остается в деревне неполноценная по возрасту рабочая сила. Бригадир, получающий 60 рублей в месяц, ведет на работу 12 человек (больше нет). В колхозе «Восход» хотели дать свободу одной хотя бы бригаде: сейте что хотите! — и побоялись.

- Дайте нам думать самим! — говорят в колхозах.

— А что будете делать?

- Будем сеять то, что растет.

20 июня. Приехал на аэродром, чтобы ехать в Москву, а полетел в В. Устюг на совещание территориального совхозно-колхозного управления.

Хорошую погоду ждут, плохую пережидают.

В деревню возвращаются на побывку люди из городов, гуляют, немножко бахвалятся. И пусть ничего не делают для повышения культуры своих земляков, а все-таки что-то несут с собой и новое. Так бурная, мутная Катунь смешиается с тихой водой Оби, Черная речка с Юг-рекой.

Слова родные: дивъя руководить таким районом. Верхний — верхний брус на дверях. Поколотиться — похлопотать, обратиться с просьбой.

21 июня. 12 ч. дня. Первое организационное совещание.

Зеркальные очки хороши для заседаний: заснешь — никто не заметит.

Дрыгин Анатолий Степанович (на трибуне): — Мы обостряем вопросы сельского хозяйства для чего? Все для того, чтобы людям в нашей стране лучше жилось.

До чего дошли: люди живут на земле, а хлеб едят купленный и птицу кормят покупным хлебом.

Система, стиль работы руководителя: накачка. Для этого он и созывает так называемые совещания, на которых никто ни с кем не совещается.

24 июня. Дома, в Москве.

3 июля. Получил номера журнала «Москва» с моей повестью «Сирота». Подписал договор с «Молодой гвардией» на «Сироту» отдельной книжкой. Передал 6 стихов для «Литературы и жизни».

11 августа. Сегодня выезжаю с Зайкой в Блудново (взял командировку от «Литгазеты»). Получил 3 экземпляра «Огонька» с моим рассказом «Две берлоги». Много месяцев пропало зря: ни стихов, ни прозы. Сейчас начну ежедневно. Взял командировку от «Литературной газеты». Еще не знаю, что напишу для них.

Надо за месяц: 1. Переписать «Выскочку», подготовить ее к сдаче. 2. Закончить и переслать в «Новый мир» «Вологодскую свадьбу». 3. Подобрать сборник стихов, дописать. 4. Закончить подборку стихов о Западной Германии. 5. Добавить главку в «Сироту».

12 августа. В Блудново отвез Воронин Николай Михайлович, Съездили на Бобришный Угор («ток») — вместе с А. М. Поповым и Михаилом Кутузовым (бригадир).

Зло тмить не надо.
Не люби, да взгляды вай!
Не говорят купить, говорят — достать!

Осенью полы в деревенских избах перепачканы раздавленной черникой.

17 августа. Приехала З. К. Мы со Златкой встретили ее — дважды ездили на аэродром. В тот же вечер сходили на Бобришный Угор. Дом здесь все зовут дачей, С 19 на 20-е ночевали на потолке дачи. Холодно. Это первая ночевка и, вероятно, последняя в этом году. Печи нет, окон нет, и уже холода наступают.

20 августа. Рыжков Александр Павлович из Пермаса (мельник), привез заготовку для косяков и рамы, приступил к работе.

На *21 августа* — иной. Днем дождь сильный. В этом году нет почти ни грибов, ни ягод. Ловлю рыбу, варим уху. Злата жжет щепки — три костра. Решили один простенок сменить, чтобы матица не была над окном. Для новых сутунок в реке нашли бревно.

23 августа. Рыжков А. П. — настоящий работник. Умеет дело делать, умеет и похвалить себя. Взял он по 15 рублей с окна. 7 окон плюс одно чердачное, и 17 рублей двери в избу. Кто зачем стремится «на города», а Рыжков А. П. мечтает побывать в Ленинграде, чтобы приобрести нужный ему столярный и плотничий инструмент.

— Заказывайте, я достану в Москве.

— Так я же не знаю, что как называется. У нас всякому инструменту свои названия.

— Топор — долото — просек. Выкатник — рубанок с реальным лезвием для выемки желобка (в косяках). Сутунки — бревна в простенках.

Плотник, умирая, сказал: «Всем прощаю, только еловому сучку ничего не прошу (елевый сучок самый крепкий).

Кабы не клин да не мох, плотник бы с голоду подох. Вставил косяки и сам похвалил, сказал: — Как киёта! (киот).

На тереблении льна женщина сказала: «Лен-то нам ни к чему, он колхозный, а вот остатки травы — наши (кюльчики, сорняк)». Каждая выбирает участок более засоренный. К тому же и платят за него 30 копеек с сотки, а чистый — 15 копеек.

Лубники, Городцы, Кумбисер — все это, как говорит

Злата, интересные, сочные слова. А я к ним привык с детства и не чувствую этого своеобразия их.

25 августа. Дунул ветер, раздул хвосты курам, и стали они похожи на токующих тетеревов. Осеню далее воробы собираются в большие стаи. Наверно, когда-то и они улетали к зиме на юг, только сейчас никто, и сами они, об этом уже не помнят.

26 августа. Утром в 5:30 проводили Златку. На грузовике уехали на аэродром Злата, Нина, Гая (впервые в Москву) и Ия.

Когда-то, в мой первый приезд в Москву, я подошел к трибунам Мавзолея и меня задержали, провели за край Мавзолея, проверили документы — все очень сурово, грубо. А я приехал в свою Красную столицу, я — комсомолец по духу, мечтающий стать писателем. Все впервые приезжающие в Москву — романтики в душе. И такая встреча,

28 августа. Утром — снова на охоте с Берсеневым, на Выгорках. Мешал мой приблудный рыжий щенок — Рыжик. Кормлю его 2-ю неделю.

Холостяку хорошо иметь в доме собаку или кошку, А еще лучше — самовар: с ним вроде как не один сидишь за столом, самовар что хороший собеседник.

31 августа. С З.К. на даче (Бобришный Угор) собирали грибы, ягоды, варили уху.

На Своей реке прибыла вода, помутнела и раздалась. Стали низкими берега. Рыба не клюет, миног не наловить, переметы не поставить. Зато весь мусор унесло. Очистились берега.

Река невидна, неказиста,
Несирока и мелка,
Только песок зернистый
Какая уж гут слава.
А это, оказывается, исток.
Это же Волга.

Леса еще темны, как город перед рассветом (восходом), — огни не зажжены. Осень еще не вошла в силу, но первые желтые вершинки деревьев, желтые вдоль реки как первые огоньки, как первые фонари перед разливом зари.

6 сентября. Плотник Рыжков закончил вставку косяков и рам. Осталось только навесить рамы и врезать замок в дверь. Сегодня было нечто вроде влазин, хотя печки еще нет.

8 сентября. Торчу в Никольске — достал кирпич — 500 штук.

Анна Михайловна в Илаксине сказала мне: «Мы бы рассказали кое-что о жизни, да ведь при тебе надо говорить не так, как есть, а как по радио говорят».

Ласточка свила гнездо в кабине трактора. Тетерев зашел в шалаш.

9 сентября. Вернулся в Москву со Златой Константиновной.

4 октября. Много дней сентября писал статью для «Литгазеты» о делах Никольских. Перепечатывали несколько раз. Она появилась под названием «Ладно ли». Очень волновался и волнуюсь.

Бесконечно медленно, долго пишу новые главки для «Сироты».

7 октября. Приехали на дачу. Золотая осень.

Лес поредел, притих, словно из него выехали все летние жильцы и обстановку вывезли.

Листья опадают. Под каждым деревом свой коврик: под березой чешуйчато-золотистый, под дубом ржавый, темно-желтый, под осиной — серо-синий, с металлическим сизоватым оттенком, шерстяной.

Долька луны тоже как облетевший листок березы.

На асфальте тени деревьев и от палисадника сливаются, и получается богатая замысловатая решетка (барокко, ампир). Не сравниться палисаднику со своей тенью!

12 ноября. Ничего-то я не записываю, какой ужас! 6/XI я не спал ночь. Осенило, я был счастлив. Записал краткое содержание пьесы «Переходный возраст». И вот уже пишу ее четвертый день. Есть уже 15 страниц, а содержание все углубляется и расширяется. Сначала были метания одной девушки, рвущейся к справедливости, к правде, ненавидящей всякую фальшь в школе и дома, в отношениях к людям, к печати, а сейчас уже определилось, что у отца тоже переходный возраст — как прозрение после «страшных лет России». Но он еще продолжает писать речи для других. А вчера заново почувствовал характер матери этой девушки — хищницы, всю жизнь пробивающейся за счет других (и бывшего мужа). Постепенно проясняются и другие характеры в пьесе и совершенствуется ее ход. Только бы сил хватило — опять я курить начал.

Если бы мне удалось написать то, что задумано, продумано, пережито, осмыслено, — я искупил бы свою вину перед собой, что слишком долго не брался всерьез за прозу. Слишком долго писал приказчики стихи, в которых не мог уместиться талант, — а я ощущал его с детства, с юности как страшную разрушительную для самого себя силу. Если бы только написать так, как задумано: «Выскочку», «Слугу народа», «Директиву», «Бабу Ягу», «Единомышленников», «Для кого строился дом» (роман или целая эпопея), «Стечение обстоятельств».

На 19 ноября назначен пленум ЦК с вопросом об улучшении партийного руководства промышленностью, строительством и сельским хозяйством. А надо бы поставить вопрос «об ограничении руководства сельским хозяйством» — чтобы людям работать не мешать.

А. ЯШИН. СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

От кустика да к кустику
По ягодке, по кисточке —
В корзине полно.
По рыжику, по груздику —
Ведро насолено.
Недаром осень прожита,
Зима не страшна.

По слову, по присловию,
К словцу словцо —
И вот стихотворение,
И книжка налицо.
Поэма есть,
И новая

Почти завершена —
И жизнь прошла не попусту,
И смерть не страшна.

1962

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хорош.

Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:

Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень,
Охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню,
пока без слов...

Пусть тишина,
В глухи ни души —
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь не дыша.

Неба не видно,
Но там и тут
До колдовского дна
То озерцо полыхнет, то пруд —
Та же голубизна.

И ничего, что птичий отлет,
Что опадает листва —
Песню нашел,
и она живет,
Сыщутся и слова.

1962

* * *

В дни юности ранней
Отдался я слепо
Профессии странной
И даже нелепой.

Смешное влечение!
И что за мученье —
Писать сочиненья
До отупенья?

Что — счастье? Что — тленье?
В чем жизни значенье?
И нужно ли людям
Такое служенье?

С большим запозданьем,
Как испытанье,
Настал мой период
Исканий, метаний.

С тоской безысходной
Лечу, как с откоса,
В свой мир переходных
Проклятых вопросов.

И труд, коим рано
Увлекся я слепо,
Мне кажется странным
И даже нелепым.

1959

* * *

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшней мученья,
Коль пропадает к работе влечение, —
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глядит с опаской,
Мрачен ученый — прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь.
А есть ли леченье?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

1959

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши — тетерева,
Летятина — дичь,
Пересмешки — молва,
Залавок — подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвушка,
Фыпки — снегири;
Дежень,
Воркуны вне закона.
Слова исчезают, как пестери,
Как прясницы и веретена.

Возилкой
Неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,
Поднёбицей — полку под потолком,
Клюкву — журавлихой...

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

1962

РОГАТЫЙ ПЕГАС

А я не тружусь?
Чуть брезжит рассвет
Как дояр, сажусь
На свой табурет.

Как дояр —
Терпенья
Хоть отбавляй:
Ведро в колени
И ну — давай!

За словом слово
В строфу сую.
И впрямь корову
Сижу дою.

Беру в кулаки
Тугие соски,
Четыре струи —
Четыре строки.

То с пеной, со звоном
Идут слова,
То приглушенно,
Едва, едва.

Большой надой —
Молоко с водой,
Строка жидка,
Говорят:
От быка!

А чуть запустил.
Нечасто дою,
Кричат:
Присушил
Строку и струю.

Корова,
рога
До земли клоня,
Как на врага
Глядит на меня.

Вот-вот в бедро
Шибанет ногой,
Свернет ведро,
Разольет надой.

Косится,
Бычится
Рогатый Пегас.
У бедной сочится
Тоска из глаз.

1968

* * *

Как ни продвигаемся вперед
К процветанью, к благосостоянью,
Подыхает вологодский скот
От простейшего недоеданья.

Заросли кустарником лога,
Сузились медовые покосы.
А уж мы ль не брали за рога,
Мы ль ребром не ставили вопросы?!

Не осмыслив мудрой глубины
И величья начертаний новых,
Так же всё наивны и грустны
Милые покорные коровы.

Рацион мой тоже небогат,
Но пока не оскудел здоровьем
И не каждый день меня доят...
Всё ж глаза не веселей коровьих.

1957

СЧАСТЛИВ ЛИ Я?

Что я за человек?
Счастлив ли я? —
Не могу об этом не думать.

В темном зале кино,
если экран не кривое зеркало, —
я плачу,
над книгой правдивой
плачу,
над горем людским
плачу.

Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя все-таки радуюсь:
значит, сердце мое не зачерствело,
душа у меня живая,
я — человек.

И когда сам пишу книгу,
и совесть моя не спит,
и, доходя до исступления,
я тоже плачу —
гордости моей нет предела:
значит, есть и во мне искра Божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?..

1964

К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ, ДУША МОЯ!

Когда меня еще не было —
поэзия существовала.
Поэзия останется,
когда меня уже не будет.
Она повсюду:
в природе, в людях,
во мне
и вне меня,
как световые лучи
и как радиоволны —
в атмосфере
и в космосе.

Стихи существуют и не написанные,
не зарифмованные,
не напечатанные,
еще не почувствованные никем,
как антимир,
и пока не уловленные,
как биотоки Вселенной.

А поэт — вроде приёмника.
И, если он настоящий поэт,
не сбитый с толку славой и наградами,
не чиновник, а человек,
думающий и страдающий,

он пропустит волны поэзии
через свою судьбу,
через свою душу.

Весь мир — поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:
будь хорошим приёмником,
чутким,
многодиапазонным,
всеволновым, как двадцатый век,
приглушенна одна волна,
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотоки людских сердец.

1964

НОВЫЙ БЕРЕГ

Никаких таких Америк,
Знаю, не открою.
Юг-река меняет берег
Под моей Горою.

Клин песчаный намывает
Под обрыв сосновый,
Удлиняет,
Уплотняет...
Где-то старый берег тает,
Нарастает новый.

Верю, примутся деревья
На косе посадом.
Встанет целая деревня
С моим домом рядом.

Даже город будет, верю.
Пусть не очень скоро...

Намывает новый берег
Под моим Угором.

1966

ЧИСТЫЙ БОР

Чистый бор — он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил —
В поднебесье хвоя, будто соты.

Дом отцовский — как он был высок,
А теперь смотрю:
Изба избою!
Как в блиндаж, ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.

Кто из нас тянул тяжелые воз,
Кто больней скрипит от непогоды:
Отчий дом с годами в землю врос
Или вырос я за эти годы?

1962

ГРАНИЦЫ ДУШИ

А душа у меня есть.
И у нее свое зрение,
и свой слух,
и память,
и свой сказочно богатый мир,
а это целая держава,
в которой царит воображение
да желание добра и правды.

Зрение души удивительно —
и оно тоньше ультрамикроскопов,
сильнее любых локаторов.
Она видит в пространстве
и во времени,
проникает в глубь веков,
заглядывает в самое себя.

И слух у души
совершеннее морских эхолотов —
слышит душа музыку вечности,
голоса цветов и трав,
их рост и дыхание.
А память души — это граничит с чудом.

Берегите душу,
раздвигайте ее границы,
расширяйте ее полезную площадь,
чтобы приблизиться к будущему.

1964

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЯШИНЕ

Александр Михайлов

«О деревне Блудново, о Бобришном угоре близ нее я узнал из книги “Босиком по земле”.

*Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным угorem.*

*В получасе шаганья
От деревни Блудново
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.*

В стихах говорилось о том, что на Бобришном угоре справляют “новоселье” поэзия. “Избушка” стала приютом Александра Яшина, каждое лето приезжавшего сюда отдыхать и работать. Отдыхать от городское суевы, от “клубного шмыганья”, как скажет он потом работать над новыми стихами, писать прозу, которой все больше внимания отдавал в последние годы жизни.

Метафора “...и поэзия справит здесь свое новоселье” имела объемное значение. Об этом нетрудно было догадаться еще по предыдущей книге Яшина “Совесть”.

В ней на звенящей ноте прозвучали вопросы себе: “Туда ли плыву я? Так ли живу?”. “Новоселье” означало и перемену климата, творческого поведения (по Пришвину), и обновление поэзии.»

Сергей Дементьев

«Стоило поэту заговорить о родной деревне, о северной Юг-реже — и тем же сказочным изобилием веяло от его строк.

*Диким хмелем завито крылечко.
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть ведеркам черпай рыбу в речке,
Хоть лопатой ягоды греби.*

Такому раздольному, пасенно-былинному ощущению Севера Александр Яшин остался, по существу, верен всю жизнь, как бы ни были сильны перепады в его биографии, как бы ни усложнялась структура его лирических переживаний, его образного языка.»

Василий Субботин

«Мы утверждали его командировку на бюро. Я помню, что Александр Яковлевич говорил нам тогда о своем замысле. Собирался он основательно. Ему хотелось поехать не на месяц, не на два, поглядеть, пожить подольше, присмотреться.

Я не помню, какие у него были замыслы в то время, что он собирался писать, что делать. Говорил он об этой своей поездке с жаром. Он вообще был человек увлекающийся. Постоянно он куда-нибудь ездил, помногу и подолгу жил у себя в деревне. Поэт, мучимый проблемами Деревни, он и похоронить завещал себя в деревне. На меня он произвел впечатление человека очень искреннего...

Мы утвердили командировку Яшину, и он уехал, увидел я его только через год. Никому он тогда ничего не говорил, как он съездил. Съездил и съездил. Но через год и мы поехали на ту же самую целину, на тот же Алтай. Тогда уж туда многие ехали. Но, уже не поднимать целину, а читать стихи. Целина уже была освоена, освоили ее и без нас.

Не помню сейчас точно, не могу сказать, где это было, в каком именно новом совхозе, но по дороге на Кулунду, известную своей солью да пыльными бурями. Мы много объездили...

Соли, действительно, было много, а хлеб еще не рос!

Так вот оказалось, что мы приехали в те самые места, в которых работал Яшин. Мы все время ездили по его следам. Как оказалось, мы приехали в тот самый район, в тот самый совхоз, где работал наш Яшин, где его каждый помнил... Сказавшийся трактористом Яшин проработал здесь целое лето. Вместе со всеми поднимал он пахоту — сгонял лис и волков с насиженных мест, забивал в еще неподатливую каменную почву первые колы.

Работник он был упорный, тракторное дело изучил еще до войны. Вместе со всеми он, мучимый язвой, выгонял гектары, спал в борозде. Было тяжело, но не уезжать же ему в самый разгар всего, не бросать товарищей. Лето уже подходило к концу, уже даже зябь вспахали, а он все работал, наравне со всеми поднимаясь до света.

Разоблачен он был самым неожиданным образом. Осенью, в конце сезона, когда все уже было вспахано и убрано ребята, как это водится, решили выпить. Денег ни у кого не было, собирали по мелочи. Подсчитали выручку не хватало...

Нам об этом инструктор рассказывал в райкоме.

И тогда Яшин не выдержал:

— У меня вот тут завалялось, — сказал он. — Возьмите! — И выложил триста рублей старыми от чистого сердца. Все, что у него было. Триста рублей так просто не валяются! Кто такой? Стали допытываться.

Выяснилось, что под именем тракториста Попова в их совхозе работал московский поэт...

Настоящая фамилия Яшина — Попов.»

Наталия Яшина

«Яшин — поэт прежде всего социальный, он гражданин своего отечества. Это глубокое чувство пронизывает все его творчество. Оно настолько естественно, что даже в стихах о природе мы чувствуем его присутствие.

Одна судьба может быть уроком для многих людей и читателей и писателей. Прежде всего борьба начи нается за собственную душу. «Чтобы получить право воспитывать других, надо прежде всего воспитывать себя», — отмечает поэт.

По этим записям видно, какая огромная подспудная работа шла внутри многих людей и поэта Александра Яшина. Были, конечно, и родники тайные в их душах. Но суждено им было идти по гладкому шоссе,шли по «бездорожице» в дождь, по грязи, в метель, как поэт сам говорил: «кидает меня пещедралом...» Но дороги к нашему времени готовили они, пробивали, чтобы определить направление, чтобы пробиться к сердцам людей, к причина наших неурядиц.

Пережив свой «переходный возраст», Александр Яшин все делал для того, чтобы и для страны наступил этот «переходный возраст». А это и есть подвиг. И он не напрасен, «ко времени»»

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Скиф. АЛЕКСАНДР ЯШИН	5
А. Яшин. БОБРИШНЫЙ УГОР. Из дневников 1958–1968 гг.	11
А. Яшин. СТИХОТВОРЕНИЯ	31
«ОТ КУСТИКА ДА К КУСТИКУ...»	31
ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ	32
«В ДНИ ЮНОСТИ РАННЕЙ...»	33
«СТРАШНО ЛЮБИТЬ И БЫТЬ НЕЛЮБИМЫМ...»	34
РОДНЫЕ СЛОВА	35
РОГАТЫЙ ПЕГАС	36
«КАК НИ ПРОДВИГАЕМСЯ ВПЕРЕД...»	37
СЧАСТЛИВ ЛИ Я?	38
К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ, ДУША МОЯ!	39
НОВЫЙ БЕРЕГ	40
ЧИСТЫЙ БОР	41
ГРАНИЦЫ ДУШИ	43
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЯШИНЕ	45

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГORA

Александр Яшин. Дневники 1958–1968 гг.

Стихотворения.

Воспоминания современников

Часть II

«Мой лесной рабочий кабинет»

Составитель — *М. В. Береснева*

Редактор — *Ю. П. Малозёмов*

